

Константин Сергеевич Аксаков

Три критические статьи г-на Имрек

Константин Аксаков

**Три критические
статьи г-на Имрек**

«Public Domain»

1847

Аксаков К. С.

Три критические статьи г-на Имрек / К. С. Аксаков —
«Public Domain», 1847

«Всякий согласится, что можно сказать много вздорного, разбирая стихотворения Пушкина, и много дельного по случаю какой-нибудь поэмы г-на Майкова; и хотя бы сами произведения были уже давно забыты, но мысли, по поводу их высказанные — если они истинны и заключают в себе общий интерес — будут всегда современны. Москва никогда не гонялась за современностью внешнею и случайною...»

© Аксаков К. С., 1847

© Public Domain, 1847

Содержание

I. Вчера и сегодня.	6
II. Опыт истории русской литературы.	14
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Константин Сергеевич Аксаков

Три критические статьи г-на Имрек

Примеч. Три следующие разбора написаны были еще для первого тома «Моск<овского> сборника»¹ след<овательно> почти уже год тому назад. Относительно выхода книг, в них разобранных, они и тогда уже были не совсем современны; теперь и подавно. Но для нас эти критические статьи имеют важность не по достоинству и современности произведений в них разбираемых, а по мыслям, в них высказанным по поводу этих произведений. Всякий согласится, что можно сказать много вздорного, разбирая стихотворения Пушкина, и много дельного по случаю какой-нибудь поэмы г-на Майкова; и хотя бы сами произведения были уже давно забыты, но мысли, по поводу их высказанные – если они истинны и заключают в себе общий интерес – будут всегда современны. Москва никогда не гонялась за современностью внешнею и случайною. Мы почли однако ж нужным этими немногими словами оправдать помещение следующих критических статей, и, предупредив суждение читателей, обратить их внимание не на внешний их повод, а на внутреннее содержание.

Ред.

¹ Имеется в виду «Московский литературный и ученый сборник на 1846 год». М., 1846.

I. Вчера и сегодня.
Литературный сборник. Составленный гр.
В. А. Соллогубом, изданный А. Смирдиным.
Книга первая. Санкт-Петербург, 1845

В сборнике, как в голосе не одного человека, а нескольких, находится более или менее общее направление, общий голос; это хор, и потому, хотя один голос иногда и более заключает в себе существенного, но так как хор есть всегда выражение, по крайней мере, количественной стороны общества, хотя бы при отсутствии качественного значения, то он интересен и заслуживает внимания и разбора. Издатель сборника «Вчера и сегодня» гр. В. А. Соллогуб, имя известное в нашей литературе; тем интереснее эта книга. В ней по обыкновению есть проза и стихи; посмотрим сперва на прозу.

Первая прозаическая и вообще первая статья, с которой начинается сборник, это повесть князя Одоевского² «Сиротинка». В изумлении, более нежели в изумлении, были мы, прочитавши ее. Это повесть, в которой выводится, хотя слегка, народ. Сцена повести – деревня. Всегда с невольным, горьким чувством и с негодованием читаем мы такие повести, где изображается (будто бы изображается) наш народ; невыносимо тяжело и больно, когда какой-нибудь писатель, народу совершенно чуждый, совершенно от него оторванный, лицо отвлеченное, как все, что оторвано от народа, когда такой писатель, полный чувства своего мнимого превосходства, вдруг заговорит снисходительно о народе, могущественном хранителе жизненной великой тайны, во всей силе своей самобытности предстоящем пред нами, легко и весело с ним расставшимися. Писатель не трудится над тем, чтобы узнать, понять его; для него узнавать и понимать в нем нечего; ему стоит только снизойти написать о нем. Противно видеть, когда он, для вернейшего изображения, прибегает к народному, будто бы оттенку речи, к народным выражениям, дошедшим до его слуха чрез переднюю и гостиную. Такой умышленный маскарад, такая милостивая подделка, особенно когда пишут для народа, оскорбительна. В таком роде и повесть к. Одоевского, которая теперь перед нами; но, кроме этого рода, самая повесть не менее, если не более, заслуживает изумления. Вот в чем дело: бедную девочку, *сиротинку* Настю, какая-то боярыня увозит в *колымаге в Питер*. Чрез несколько лет Настя возвращается в деревню. *Питерское* воспитание сделало из Насти просто чудо; она уже одета не по-русски, не по-крестьянски. Мало того, что она необыкновенная рукодельница, она... она – совершенство. Вот она начала мало-помалу преобразовывать всю деревню, начиная сперва с мальчиков и девочек: она учит их всему; она говорит детям, что красть нехорошо и что бог это увидит. Неужто же такие слова новость для деревни; неужто же г. автор думает, что надо съездить в Питер, чтоб это узнать, что в деревнях воруют без всякого зазрения совести, а в городе не воруют? Далеко же простирается смелость мысли писателя! Настя вместо старинных сказок, которые рассказываются в народе, сказок, созданных всем его духом и воспитывающих глубоко и действительно детский возраст, рассказывает им *сказочки*, вовсе на них не похожие, сказочки, в которых есть прямая мораль, но в которых, можем сказать, нет ничего истинно нравственного, – и таким образом исправляет детей:

«Между тем дети притихли, – Настя обернулась к ним, ударив в ладоши, затянула песню, и все дети, став один за другим, принялись подтягивать ей всем хором и, ударяя в ладоши, мерным шагом ходили вокруг Насти, смеясь и ободряя друг друга, а за ними и Никитка туда же.

² Одоевский В. Ф.

Священник с удивлением смотрел на эту, необыкновенную в наших селах, картину»
(стр. 8).

Как необыкновенную? Необыкновенная картина, что дети в деревнях поют песни? Да выезжал ли уж, полно, из Питера г. автор?

Сам священник поражен Настей и расспрашивает ее, как она сделалась такою чудною девочкою? Кто ее научил всему доброму? Загадка разрешается: Настя рассказывает, что она воспитывалась в детском приюте. Между прочим, она говорит:

«В это время я будто начала просыпаться; стала понимать, что значит хорошо или худо делать, а всего больше – научилась молиться»
(стр. 11).

Потом Настя перешла в частную школу; оттуда она все почерпнула. Начав рассказ, она говорит:

«Признаюсь вам, батюшка, что деревня показалась мне совсем иною, чем прежде; не то, чтобы я возгордилась; но не могла я не спросить себя: отчего я умею и читать, и писать, и опрятно я одета, и могу себе хлеба кусок добыть, а другие, такие же, как я, из той же деревни, живут себе – так, а маленькие дети даже не знают, какой рукой перекреститься, правой или левой; и пришло мне на память прежнее мое житье в той же деревне, и как я тоже не знала, какой рукой перекреститься; и отчего я стала совсем иная?» (стр. 13).

Как! она не знала, какой рукой перекреститься маленькая и узнала об этом в Петербурге; указывает на это, как на выгоду своего воспитания там! Как! Так г. Одоевский думает, что у нас в деревнях не от кого узнать и никто не научит, какой рукой перекреститься, а для этого надо в Петербург ехать? Так г. Одоевский думает стало, что не только маленькие, но и народ не знает, какой рукой перекреститься? Как назвать это мнение? Как смотреть после этого на г. автора? Здесь уже нет места смеху; здесь... но, быть может, это дурно выражено, неясно. Хотя и далеко простирается фанатизм г. автора к тому, что все, все дается только школами бедному жалкому народу; но мы думаем, что г. автор не хотел высказать такого мнения, которое выходит из слов его.

Отец Андрей, священник, тронутый тем, что Настя преобразовывает и воспитывает в нравственном отношении все село и, следовательно, выполняет таким образом обязанности его, отцов и матерей, – предлагает ей особую свечелку у себя для продолжения ее поучений во время зимы. Пример Насти подействовал на самого священника, потому что жена его и он сам стали наставлять ребятишек. Наконец:

«Когда крестьяне узнали об этом, то уже стали сами посылать детей к Насте, а иные и сами приводили, да, приводя, останавливались и прислушивались и даже потихоньку плакали от умиления; *ино-место* и мужик забывал об елке в праздник, засматриваясь на потеху детей; и часто мать стыдила взрослого сына, показывая ему на маленьких. Скоро Настя при пособии матушки достигла до того, что не только лохмотья на ребятишек были зашиты, но и сами матери, посмотрев раз, два на детей чистых, опрятных, уже стыдились водить их замарашками, да и сами, глядя на детей, сделались попорядочнее.»
(стр. 14).

...По воскресеньям дети парами ходили в церковь...

Парами! Это также немаловажная сторона совершенствования! Жаль, не сказано, что они ходили в ногу, тогда это еще было бы возвышеннее. Итак:

«По воскресеньям дети парами ходили в церковь, не кричали и не зевали по сторонам, как бывало, а тихо становились на клирос и подтягивали дьячку, а миряне, тронутые чистыми детскими голосами, молились усерднее прежнего»
(стр. 15).

И так все село возвышено и преобразовано; преобразован народ, имеющий кой-что в своих воспоминаниях, имеющий, как народ, тяжесть и твердость действительности в своих движениях и переходах, – преобразован так легко и скоро Настей, воспитанной в Петербурге. Она научила его молиться; он не умел этого, конечно!.. Но никакая в свете Настя и никакой в свете образованный и воспитанный человек не может стать на ряду с народом и осмелиться наставлять его в этом чувстве – его, силою веры прогнавшего столько врагов иноплеменных. Можно ли так легко судить о народе, так легко воспитывать его посредством какой-нибудь Насти, такого отвлеченного и легкого лица; так не знать глубины и убеждений и многого, многого в народе, что для Насти темный лес и где бы тысячу раз она потерялась и пала бы, почувствовав и поняв свое бессилие, если б, к счастью, могла хоть сколько-нибудь понять его. Можно ли это? Что сказать о таком поступке? Поневоле делаешь этот вопрос.

К счастью, Настя и ей подобные не понимают и не могут приблизиться даже к глубокой стороне народа: это для них непроницаемая тайна, запертое святилище.

Окончание повести фантастическое.

Мнение наше об ней высказано, кажется, довольно ясно; но вот что мы считаем нужным прибавить.

Настя, при всей своей неестественной и смешной стороне, стоит однако, чтоб обратить на нее внимание: сколько людей именно в наше время, именно в нашей земле, таких, которые оторвались от народа, от естественной тяжести союза с ним, умеряющей и утверждающей шаги человека, дающей ему действительность, и пошли летать и носиться, полные гордости и снисхождения, – таких людей, которые, будучи одеты в европейское платье и заглянув в европейские книги, выучившись болтать на чужом языке и приходить как следует в заемный восторг от итальянской оперы, подходят с указкою к бедному необразованному народу и хотят чертить путь его народной и внутренней и внешней жизни. Хотя бы они поглотили, в самом деле, всю европейскую мудрость, но если они оторваны от народа и хотят оставаться в этой оторванности, в этом попугайном развитии, если они свысока смотрят на него, – они ничтожны. Итак, Настя явление поучительное. Ошибка автора в том, что когда такой человек, как Настя, прикоснется к народу, то совсем не видит таких результатов, какие придумал г. автор; напротив, как мыльный пузырь лопнет такая попытка, если только при перевесе силы на ее стороне она не сдавит внешним образом народа.

Энтузиазмы бывают разного рода: мы не можем отказать автору в необыкновенном энтузиазме и особенного рода, который заставил его забыть, что русский народ и молиться умеет, и что много в нем великих самобытных начал жизни: энтузиазм – что делать?

Уже не написал ли к. Одоевский фантастическую повесть, которых он писал так много? Но нет, это слишком смелая фантазия.

Про Шиллера говорили, что он творит субъективно, что Дон Карлос³ его собственный идеал. Для этого не нужно знать автора, чтобы так посудить о нем. То же можно сказать и про к. Одоевского, говоря про эту повесть. Он создал Настю субъективно; Настя его собственный идеал. Такое суждение должно быть лестно для г. автора, судя по тому, как он выразил

³ Герой одноименной драмы Ф. Шиллера.

себя в этой повести. Скажем в заключение: изумительно сочинение такой повести, не менее изумительно помещение такой повести.

Но довольно о «Сиротинке» к. Одоевского. Мы достаточно уже о ней говорили и для читателей, думаем, и для себя. Неприятное чувство соединено с впечатлением этой повести; довольно; поговорим о другом, которое, надеемся, не должно быть так неприятно.

Вторая прозаическая статья: «Гаврила Петрович Каменев»⁴, чрезвычайно интересна. Это – известия, сообщенные о нашем писателе прошедшего столетия, преимущественно письма. В них интересно и то, что определяет его лично, и то, что определяет его современников. Это был чувствительный период нашей литературы. Карамзин тогда не достигал еще сознания, которого достиг он впоследствии, сознания народности. После великого переворота заводили фабрики, пересаживали разные растения, не забыли и литературы: пересаженная литература принялась. Название литераторов было какое-то титуло, название особенного сословия, и литераторы наши, обезьянничая более или менее, были счастливы своей судьбой, достигали и чинов и почестей, и совсем позабыли про народ. Отделившись от него, они не замечали его существования и жили себе спокойно. Так легко, так хорошо, казалось, было писать повести, стихи, подражать, переводить. Это было так возвышенно и благородно, препровождение времени такое человеческое, интересы высокие, и люди, посвятившие себя таким интересам, так уважались всеми! Да, так казалось; но все это была ложь, маскарад, декорация. Надобно было много таланта, чтобы пробиваться сквозь богатую мишуру и страшную отвлеченность. Чрез несколько лет, только после 1812 года, является, наконец, возвращение – истинный шаг вперед – к своему народу, освобождение от умственного ига. Карамзин, принявшись за русскую историю, и особенно в последних томах своего великого произведения и в других мелких позднейших своих сочинениях, начал сознавать значение народа и его самобытность. Еще прежде, как противник прежнего Карамзина, Шишков⁵ противоборствовал подражательности; это было благородное, но темное стремление, и скорее в пользу церковнославянского языка, который он считал древним русским. Ему не доставало знания, но благородно и прекрасно было его направление. И после 1812 года долго неясно было это стремление, пока, наконец, теперь не начала спадать пелена с глаз наших; бодро и молодо раздается могущественный голос народа в наших душах вновь нам звучащий, вновь нам и доступный и слышный. Запоздалые предыдущего, иностранного, подражательного направления усиливаются удерживать его, противоборствовать новому то бранью, то насмешкой, возвышают голос более, нежели когда-нибудь... но на минуту темнее становится ночь перед решительным рассветом, и когда подыметесь солнце, резче обозначатся тени. Ложному подражательному направлению не победить истинного, естественного, здорового стремления к самобытности и к народности.

Итак, Каменев принадлежал еще к карамзинскому периоду прошедшего столетия. Во всем, что он пишет, виден человек умный и даровитый. В его письмах является Карамзин, еще совсем под влиянием иностранным, изображается, хотя слегка, круг литераторов, это братство, братство высокое, увы! в сущности столько надменное и отвлеченное и ложное. Мы очень благодарны г. Второву за сообщение таких интересных и важных для литературы сведений.

В отрывках повестей Лермонтова⁶, хотя очень неполных, нельзя не узнать автора, его взгляда, приема и этого особенного, сжатого и несколько сухого слога, который так хорош и

⁴ Статья Егорова П. И. (1818–1866) – писателя-этнографа. Каменев Г. П. (1772–1803) – поэт.

⁵ Имеется в виду Шишков А. С. (1754–1841) – адмирал, министр народного просвещения, президент Российской академии, поэт, переводчик, филолог, критик, и его книга «Рассуждение о старом и новом слоге русского языка» (СПб., 1803).

⁶ В сборнике были помещены отрывки двух начатых произведений Лермонтова – «У графини Б... был музыкальный вечер...» (В собр. соч. Лермонтова печатается под заглавием «Штосс») и «Я хочу рассказать вам историю женщины...»

так напоминает Пушкина. Мы считаем, здесь не место говорить о Лермонтове, это предмет отдельной статьи.

Статья «О Шиллере и Гёте из писем современника»⁷ очень интересна. «Артемий Семенович Бервенковский»⁸ вовсе не замечательный рассказ, хотя легко читающийся. «Собачка», повесть гр. Соллогуба, рассказана легко и живо.

Вот и все прозаические статьи. Дух и направление выражается только в повести к. Одоевского. Повести Лермонтова – только отрывки. Остальные же не носят на себе никакого особенного отпечатка.

Теперь стихотворная часть.

Жуковского «Капитан Бопп» написан хорошими пятистопными ямбами, что не удивительно в нашем знаменитом поэте.

Из стихотворений Лермонтова, большею частию обыкновенных⁹, особенно хорошо «Казбеку», кроме последних четырех стихов. Оно может стать на ряду с лучшими; вот оно:

⁷ Статья «О Шиллере и Гете» с пометой в конце «Из писем современника» была написана Струговщиковым А. Н. (1808–1873).

⁸ Рассказ А. К. Толстого.

⁹ В сборнике впервые увидели свет пять стихотворений Лермонтова – «Слышу ли голос твой...», «Это случилось в последние годы могучего Рима...», «Спеша на Север из далека...» (Заглавие «Казбеку» было дано редактором сборника), «Я не хочу, чтоб свет узнал...» и «Гляжу на будущность с боязнью...». Ниже К. Аксаков цитирует стихотворение Лермонтова «Из Гете» («Горные вершины...»), которое было опубликовано в 1840 году.

Казбеку

Спеша на север издалека,
Из теплых и чужих сторон
Тебе, Казбек, о страж Востока!
Приносит странник свой поклон.

Чалмою белою от века
Твой лоб наморщенный увит,
И гордый ропот человека
Твой гордый мир не возмутит.

Но сердце тихого моление
Да отнесут твои скалы
В надзвездный край, в твое владенье —
К престолу вечному...

Молю, да снидет день прохладный
На знойный дол и пыльный путь,
Чтоб мне в пустыне безотрадной
На камне в полдень отдохнуть.

Молю, чтоб буря не застала,
Гремя в наряде боевом,
В ущелье мрачного Дарьяла
Меня с измученным конем.

Но есть еще одно желанье...
Боюсь сказать... душа дрожит...
Что... если я...
Совсем на родине забыт!

Найду ль там прежние объятья?
Старинный встречу ли привет?
Узнают ли друзья и братья
Страдальца после многих лет?

Или, среди могил холодных,
Я наступлю на прах родной,
Тех бодрых, пылких, благородных,
Деливших молодость со мной?

О! если так... своей метелью,
Казбек, засыпь меня скорей,
И прах бездетный по ущелью
Без сожаления развей!

(стр. 93–94)

Отчего так прекрасны стихи?

Молю, да снидет день прохладный
На знойный дол и пыльный путь...

Трудно сказать. В них какая-то простота, какое-то название вещей своим именем, что высоко изящно, напоминает даже изящество древней греческой поэзии. Таковы же стихи Лермонтова:

Горные вершины
Спят во тьме ночной;
Тихие долины
Полны свежей мглой;
Не пылит дорога,
Не дрожат листы...

У него не раз встречается эта красота поэзии.

Стихотворения Языкова¹⁰ – так же прекрасны, как и прежние его стихотворения, и хотя содержание их в этом сборнике незначительно, но в них тот же оригинальный, образный русский стих, который всегда как будто говорится и печатается, стих, которым так чудесно владеет (владел!) Языков; это также предмет особенной статьи.

Остальные стихотворения более или менее гладки, более или менее недурны. Но особенно приятно и неожиданно поразило нас маленькое стихотворение «Ты знаешь их», подписанное А. Од-ий¹¹. В этом стихотворении есть что-то мужественное, что так редко или лучше вовсе не встречается в стихотворениях наших юных поэтов, где они большею частью или с гордостью говорят о своем милом эгоизме или вяло и зевая объявляют, что они уже не любят и что они в апатии. Это стихотворение «Ты знаешь их» тем сильнее поразило нас, что оно следует прямо за «Вариациями» г. Тургенева¹², в которых виден собственно тот же натянутый сухой эгоизм и также зевающая апатия. Напр.:

А теперь этот день нам смешон.
И порывы любовной тоски
Нам смешны, как несбывшийся сон,
Как пустые, плохие стишки.

(стр. 66)

Как пример искажения эстетического чувства можно привести стихотворение г. Бенедиктова¹³ «Ревность». Правда, что это в его роде, но поневоле приходит мысль, уж не пародия ли это?

¹⁰ В сборнике были помещены четыре стихотворения И. М. Языкова – «Княгине Софье Петровне Голицыной», «Элегия» («Поденщик, тяжело навьюченный дровами...»), «Варваре Николаевне Анненковой» и «Якову Петровичу Полонскому».

¹¹ Одоевский А. И. (1802–1839) – поэт-декабрист.

¹² Кроме «Вариаций» в сборнике были опубликованы еще два стихотворения Тургенева – «Брожу над озером...» и «К чему твержу я стих унылый...». К. Аксаков цитирует последнюю строфу из второго стихотворения «Вариаций».

¹³ Бенедиктов В. Г. (1807–1873) – поэт-романтик.

Довольно о сборнике «Вчера и сегодня», представляем читателю вывести заключение из слов наших.

**II. Опыт истории русской литературы.
Сочинение э. профессора имп. Санктп.
университета доктора философии А.
Никитенко¹⁴. Книга первая. Введение. Спб. 1845**

Перед нами книга, важная по своему заглавию, интересная и по имени сочинителя, известного в нашей литературе. Это только первая книга, в ней заключается введение, в котором излагаются общие начала. Общие начала – очень важны; они должны составлять душу всего сочинения; следовательно, в них заключается главное достоинство или главный недостаток. Случается, что часто исполнение противоречит общим началам; но это заключение сюда нейдет, ибо остальные части труда нам неизвестны. Итак, внимательно посмотрим на это новое явление в нашей литературе.

¹⁴ Никитенко А. В. (1805–1877) – историк литературы, критик. Экстраординарный профессор – младший профессор.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.